

© С.Р. МАКЕРОВА

susanna04@rambler.ru

УДК 81'42

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ И СЕМИОТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

TEXT OF FICTION AND SEMIOTIC ANALYSIS

АННОТАЦИЯ. Анализируются скрытые смыслы художественного текста как единицы дискурсивной деятельности продуцента и реципиента. Текст как продукт и результат дискурсивной деятельности является главным объектом лингвистических описаний в современной лингвистике. Лингвистика текста интегрируется в смежные науки, среди которых особое место занимает семиотика. При этом единицы семантики «означают», синтактики — «имплицуют», а прагматики — «выражают». Семантическое содержание является многослойным, многокомпонентным образованием. В тексте значения лексем и граммем преобразуются и наполняются особым содержанием, что и обуславливает особенности синтактики. При всей значимости семантики и синтактики как характеристик знаков, на первый план в современных исследованиях выдвигается прагматика, понимаемая как соотношение знаков и их интерпретаторов. Проблема изучения ключевого понятия семиотики — знака — и его интерпретации в современной лингвистике актуальна и для художественного текста.

SUMMARY. The article deals with the messages of a fiction text as a unit of discourse activity of the writer and the reader. Text as a product and result of the discourse activity is the basic unit of the modern linguistic research. The linguistics of text is connected with other sciences, among which semiotics is one of the most essential. The units of the semantic level “denote”, those of the syntactic level “imply” and of the pragmatic “convey”. Semantic meaning is a multilayer, multi component unity. The meaning of the lexemes and grammemes changes and acquires a new content that results in syntactic peculiarities. Notwithstanding the importance of semantics and syntactics as a characteristic of linguistic signs, pragmatics (that focuses on semiotic units and their interpretations) is the most popular in modern research works. The problem of signs - the basic units of semiotics - and their interpretation, popular in modern linguistics, is particularly important within the work of fiction.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Лингвистика текста, художественный текст, семиотика, семантика, синтактика, прагматика, смысл.

KEY WORDS. Linguistics of text, fiction text, semiotics, semantics, syntactics, pragmatics, message.

Еще в середине прошлого века традиционный лингвистический анализ ограничивался пределами изолированного предложения. Считалось само собой разумеющимся, что с лингвистической точки зрения в тексте нет ничего такого, чего не было бы в отдельном предложении. Это дало основание Р. Баргу с иронией писать: «Лингвистика не может найти для себя объекта большей протя-

женности, нежели предложение, ибо за пределами предложения существуют лишь другие такие же предложения: после того как ботаник описал отдельный цветок, ему нет надобности описывать весь букет» [1; 199]. Сегодня можно констатировать: время, когда текст в лингвистике воспринимался только как материал для наблюдения за отдельными единицами различной протяженности (причем текстом назывались как отдельные высказывания, так и завершенные литературные произведения), безвозвратно прошло. Напротив, сегодня именно текст как продукт и результат дискурсивной деятельности стал главным объектом лингвистических описаний.

Несколько последних десятилетий были временем самого пристального внимания к тексту как высшей и главной лингвистической единице. Сформировалось и приобрело авторитет особое направление в языкознании — «лингвистика текста», в рамках которой на первый план выступили сущностные свойства текста, сложились определенные направления в изучении текста как системы, организованной по своим законам. «Лингвистика текста» стала не менее значимым явлением, чем структурализм и генеративно-трансформационная лингвистика. Лингвистику текста от традиционного языковедения выгодно отличает стремление идти на контакт с другими науками и дисциплинами; как справедливо пишет Н.В. Перцов, лингвистику текста ни в коей мере «нельзя упрекнуть в изоляционизме» [2; 48]. Один из наиболее зримых «контактов» новой научной дисциплины — это ее связь с семиотикой (семиологией).

Во всех многочисленных типологиях текстов, которые отличаются друг от друга исходными теоретическими посылками, основаниями для классификации, обязательно присутствует художественный текст. Тем не менее, художественный текст (даже в рамках «лингвистики текста») до сих пор остается за пределами однозначного дефинирования. Причина этого кроется как в разнообразии объекта (от жанра «однословие» до многотомной эпопеи), так и в его когнитивной сложности. Впрочем, многие лингвисты [3; 74] не считают отсутствие однозначной и общепризнанной дефиниции препятствием к изучению различных аспектов текста, так же как и отсутствие единого определения слова не мешало плодотворным исследованиям в лексикологии и грамматике. Другие авторы [4; 13] полагают, что пока не появилась дефиниция текста, нельзя уверенно сказать, что может и должен анализировать лингвист в художественном тексте и что может и должно остаться за пределами такого анализа. В то же время, отмечает далее В.А. Лукин [4], эта дефиниция может быть сформирована только после изучения представительного множества текстов в их взаимодействии друг с другом.

Положение термина «текст» не является чем-то особенным в лингвистической терминосистеме: практически все основные термины лингвистики двузначны или многозначны (иногда — в рамках одного авторского дискурса, как, например, термин «фонема» у Бодуэна де Куртене). В этом смысле «текст» действительно можно сравнить с главной единицей языка — словом, которое, не будучи строго дефинированным в науке о языке, тем не менее неотступно предстает нашему умственному взору как «нечто центральное во всем механизме языка» [5; 111]. Показательно, что в трудах, анализирующих проблемы текста, само определение текста, как правило, отсутствует (оттого, что полагается самоочевидным).

Как известно, художественный текст — один из первых объектов научного лингвистического изучения (первые научные лингвистические опыты Аристарха и его школы имели целью восстановление «темных» мест в текстах Гомера, Софокла, Эврипида). Однако на всем протяжении существования филологии художественный текст в большей степени был объектом сначала риторики, затем литературоведения, стилистики и поэтики. На качественно новом уровне художественный текст стал изучаться в рамках структуралистских направлений, прежде всего — в трудах Р. Якобсона (ср. мысли Р.О. Якобсона о лингвистике, предметом которой должен быть художественный текст и «язык в его эстетической функции» [6], [7])*, затем в трудах Московской и Тартуской семиотических школ. «В отличие от традиционной семиотики, в качестве объекта для исследования выбиравшей вслед за Пирсом и Соссюром знак и систему знаков, семиотические исследования в Москве и Тарту в качестве предмета анализа с самого начала рассматривали и текст, который может состоять из отдельных знаков и в этом смысле вторичен (надстроен над языком и принадлежит ко вторичной знаковой системе» [9; 703]. Художественный текст как система знаков был главным объектом в трудах Ю.М. Лотмана, Ю.И. Левина, В.Н. Топорова, Вяч. Вс. Иванова, Б.А. Успенского и др.), при этом художественный текст признается наивысшей ступенью в иерархии текстов культуры. Это многослойное и семантически неоднородное образование, вступающее в сложные отношения с внешним контекстом. То его качество, которое еще в древности было обозначено как «саморазвивающийся логос», придает ему свойства интеллектуального устройства, делает его полноправным участником общения, он способствует общению между аудиторией и культурной традицией, общению читателя с текстом.

В работах указанных авторов эксплицитно или имплицитно постулируется нецелесообразность разобщения лингвистики и литературоведения. Единство эстетических принципов, опосредованность субъектно-объектных отношений автором текста, сознательный отбор средств вербализации содержания объединяет литературоведение и лингвистику в единую «большую филологию».

Текст, будучи сам знаком и объединяя совокупность знаков, представляет собой обширное поле для семиозиса — процесса наделения знаков новыми значениями в ходе интерпретации. Интерпретатор в своем стремлении понять текст должен подключать не только свои коды, но и реконструировать тот риторический и идеологический универсум, ту коммуникативную ситуацию, в которой было создано произведение. Именно так можно отыскать ключи, приближаясь к исконному коду, восстанавливаемому в процессе интерпретации контекста [10; 195]. Если текст есть знак, то и смысл произведения тоже становится знаком, который может быть истолкован при помощи новых мыслительных знаков, а каждая мысль может быть интерпретирована в другой мысли.

* Ср. интересное замечание В.А. Плуменяна о сущности идей Р. Якобсона: «...по самой природе своего творчества Якобсон не был «завершителем»: он прославился как автор блестящих гипотез (может быть, точнее даже сказать, догадок), а не как создатель стройных и законченных систем, где все детали продуманы и приведены в соответствие друг с другом (впрочем, такие системы в лингвистике обычно недолговечны)» [8; 376]. Очевидно, что блестящие идеи относительно «поэзии грамматики» и мн. другие не только у Якобсона, но и в современной лингвистике не обрели еще воплощения в детальных исследованиях.

Итак, в новом подходе к тексту существенно введение в исследовательскую парадигму субъектов текстовой деятельности: пишущего (продуциента) и читающего (реципиента). Сложный художественный текст насыщен множеством смыслов, и для выявления этих смыслов необходимо, чтобы языковая личность читателя интегрировалась в метасистему текста, создаваемого другой языковой личностью — автором. Интерпретация, понимаемая в семиотическом и в более широком — лингвокультурологическом смыслах, представляет собой «интересный процесс-событие» [11; 52], который осуществляется между текстом и его интерпретатором. Лингвистика текста тем самым выходит на пересечение интересов смежных наук — психологии, логики, социологии, семиотики.

Как известно, классическая семиотика изучает знаки в триединстве семантики, синтактики и прагматики. Семантика имеет дело с отношением знаков к их десигнатам и тем самым — к объектам, которые они обозначают (денотируют) или могут обозначать (денотировать). Термины семантики, по Ч. Моррису [12; 43-54] — это «означает» и «денотирует» (в отличие от терминов синтактики — «имплицитует» и прагматики — «выражает»)*. Закономерно, что интересы современной лингвистики существенно сместились с формального описания языка на исследование его семантического содержания, понимаемого как многослойное, многокомпонентное образование. Только в тексте общезыковые (системные) значения лексем и граммем преобразуются, наполняются особым содержанием. От семантики производны особенности синтактики: именно семантика диктует характерную сочетаемость (хотя, естественно, сама семантика эксплицируется не иначе, чем в характерной сочетаемости).

При всей значимости семантики и синтактики как знаковых характеристик на первый план в современных исследованиях закономерно выдвигается прагматика, понимаемая (в самом широком смысле) как соотношение знаков и их интерпретаторов**. «Поскольку интерпретаторами знаков являются живые организмы, достаточной характеристикой прагматики было бы указание на то, что

* К.Ю. Диброва обратила внимание на важную деталь: при определении всех терминов у Ч. Морриса (*semantics, syntactics, pragmatics*) общим словом было *relation*, не идентичное русскому «отношение». Русское «отношение» означает и «характер обращения с чем-либо», и «представление о чем-либо», то есть имеет значение, которое в английском языке свойственно не *relation*, а *attitude*. Это последнее значение русское слово «отношение» реализует только в том случае, если одним из участников ситуации является живое существо. Последнее обстоятельство, указывает К.Ю. Диброва, оказало решающее воздействие на судьбу термина «прагматика» в русском научном дискурсе: этим термином стали обозначать раздел семиотики, изучающий отношение говорящего к знакам (в то время как в англоязычной традиции «прагматика» имеет дело с психологическими, социальными, биологическими явлениями, которые сопровождают функционирование знаков — такая «прагматика» по сути дела нелингвистична). См.: [13; 66-67].

** Естественно (и это специально подчеркивается в трудах основоположников семиотики), что прагматический компонент не только специфичен, но и теснейшим образом связан с семантикой: «Утверждения в прагматике о прагматическом измерении конкретных знаков функционируют преимущественно в семантическом измерении» [14; 66]. Ср. также: «... «прагматика не может уйти далеко без учета формальных структур, которым она должна найти прагматическое соответствие» [14], т.е. очевидна зависимость прагматики и от другого свойства языкового знака — от синтактики.

она имеет дело с биотическими аспектами семиозиса, иначе говоря, со всеми психологическими, биологическими и социологическими явлениями, которые наблюдаются при функционировании знаков» [12; 63]. В.А. Звегинцев [14; 147] назвал прагматику «одним из подступов к изучению подлинной природы языка».

Итак, прагматика — это передаваемая знаками и извлекаемая из знаков информация о субъективно-оценочном, эмоциональном отношении говорящих к денотатам знаков и к когнитивному содержанию знаков. Прагматика в первую очередь связана с оценочным, коннотативным компонентом лексической и грамматической семантики. В прагматическом значении ведущим признаком является выражение отношения, то есть оценки. Ч. Моррис определял прагматику как нередуцированную семиотику, изучающую создание, функционирование и взаимодействие знаков в значимом поведении интерпретаторов; в противоположность полной семиотике, то есть прагматике, семантика и синтактика рассматриваются им как редуцированные семиотики разного уровня абстракции. Ю.С. Степанов также определяет прагматику (прагмалингвистику) как полную семиотику, предметом которой является текст в его динамике, соотношенный с главными субъектами, с «эго» автора и реципиента, творящих текст [15; 332]. Прагматику чаще всего связывают с текстом, а не с отдельным словом или предложением, поскольку именно на уровне текста, в органическом единстве его лингвистических и паралингвистических компонентов прагматическое содержание реализуется в полном объеме и недвусмысленно.

Будучи междисциплинарной наукой, лингвистика текста внедряется в те сферы, которые прежде были прерогативой иных наук, например, анализирует такое сущностное свойство текста, как композиция (ср. применение семиотического анализа к композиционному строению художественного текста в концепции Б.А. Успенского [16; 164-165]). Семантика композиционного построения рассматривает отношение точки зрения к описываемой действительности и, в частности, то искажение, которое претерпевает действительность при передаче через соответствующую точку зрения. Синтактика композиционного построения рассматривает отношения различных точек зрения, участвующих в произведении, безотносительно к воспроизводимой действительности.

Наконец, прагматика композиционного построения рассматривает проблемы композиции произведения в связи с его читателем.

Ср. рефлексию персонажа художественного текста на прагматические различия форм *звоните* — *позвоните*:

Я никак не могу забыть Вашего «звоните», брошенного мне со ступенек трамвайного вагона. Для незнакомого такое «звоните» — это разрешение на продолжение знакомства. Для меня, знающего Вас, это «звоните» — всего лишь «до свидания», к сожалению, ни на какое свидание не намекает.

Если бы Вы сказали «позвоните» — это было бы не только Ваше разрешение, но и Ваше желание. Две буквы, а какая разница. «Позвоните» не говорится в первый день знакомства (А. Рыбаков «Тридцать пятый и другие годы»).

В художественном тексте грамматическая форма может являться одновременно и средством экономии, и объектом авторской рефлексии, сравним авторские комментарии по поводу использования той или иной формы:

But now a thin wisp of pale smoke curled up from the root. It was no longer deserted. My first feeling was one of resentment, a Crusoe-like resentment, since the solitude of the south side of the island must now be spoilt and I had come to feel possessive about it.

Nothing appeared, everything waited. For the second time that day I felt like Robinson Crusoe (Fowles J. "The Magus").

Find out when the trial is set and get a lawyer down. A good one, and I mean a good one that'll know how to handle it...but don't get a guy that wants his name in lights... Get somebody looks like he didn't sing with a dance band...

"All right", I said, and wrote in my notebook: "Abe Lincoln type" (R.P. Warren).
Цит. по: [17]; см. также: [18].

Онимы *Robinson Crusoe* и *Abe Lincoln* лаконично передают содержание нескольких высказываний и выступают как символ (в понимании В.В. Виноградова). Как известно, в этой концепции символа выделяются три позиции: 1) символы — органические элементы художественного текста, которые не задаются заранее, но извлекаются из текста; 2) значение символа обусловлено структурой и всей композицией текста; 3) символы могут формально совпадать с любой единицей языка, но это совпадение по сути своей представляет собой омонимию. Думаем, что и прецедентный оним в этом смысле не отличается от любой другой единицы языка, поскольку в тексте актуализируются только определенные (некоторые из возможных) семантические и прагматические компоненты его смыслового содержания.

Итак, если прежде из текста черпались данные о системно-структурных параметрах языка, то современная лингвистика делает иные акценты: текст рассматривается как сложное семантическое целое, что подразумевает сопоставление и учет всех средств художественного изображения внутри текста, а также исследования параметров экстралингвистического характера. Ключевые понятия семиотики — знак и его интерпретация — закономерно распространяются и на художественный текст.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барт Р. Введение в структурный анализ повествовательных текстов // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму / Пер. с фр. и вступ. ст. Г.К. Косикова. М.: Издательская группа «Прогресс», 2000.
2. Перцов В.Н. О некоторых проблемах современной семантики и компьютерной лингвистики // Московский лингвистический альманах. Вып. 1. Спорное в лингвистике. М.: Языки русской культуры, 1996.
3. Кубрякова Е.С. О тексте и критериях его определения // Текст. Структура и семантика: В 2 тт. Т. 1. М.: СпортАкадемПресс, 2001.
4. Лукин В.А. Художественный текст: Основы лингвистической теории. Аналитический минимум. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство «Ось-89», 2011.
5. Соссюр Ф. Курс общей лингвистики // Соссюр Ф. Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977.
6. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». М.: Прогресс, 1975.
7. Якобсон Р. Основа славянского сравнительного литературоведения // Работы по поэтике. М., 1987.
8. Плунгян В.А. Проблемы грамматического значения в современных морфологических теориях (обзор) // Семиотика и информатика. 1998. Вып. 36. С. 324-386.

9. Иванов В.В. Очерки по предыстории и истории семиотики // Избранные труды по семиотике и истории культуры. Т. 1. Знаковые системы. Кино. Поэтика. М.: Языки русской культуры, 1998.
10. Лучинская Е.Н., Симоненко М.Ю. Семиотический подход к изучению смысла текста // Дискурс: концептуальные признаки и особенности их осмысления. Межвузовский сб. науч. тр. Вып. 1. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2007.
11. Лучинская Е.Н. Постмодернистский дискурс: семиологический и лингвокультурологический аспекты интерпретации: Монография. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2002.
12. Моррис Ч.У. Основания теории знаков // Семиотика. М.: Радуга, 1983.
13. Диброва К.Ю. О языковой относительности в лингвистике // Филологические науки. № 2. 1991.
14. Звегинцев В.А. Мысли о лингвистике. М.: Изд-во МГУ, 1996.
15. Степанов Ю.С. В трехмерном пространстве языка. Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. М.: Наука, 1985.
16. Успенский Б.А. Семиотика искусства. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995.
17. Ермолович Д.И. Основания переводоведческой ономастики: Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. М., 2005. 48 с.
18. Ражина В.А. Ономастические реалии: лингвокультурологический и прагматический аспекты: Дисс. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д, 2006. 165 с.

REFERENCES

1. Barthe, R. Introduction to structural analysis of narrative texts // *Francuzskaja semiotika: Ot strukturalizma k poststrukturalizmu* [French semiotics: From structuralism to poststructuralism] / Transl. from French. Moscow: Progress, 2000. (in Russian).
2. Percov, V.N. On some problems of contemporary semantics and computer linguistics // *Moskovskij lingvisticheskij al'manah. Vyp. 1. Spornoe v lingvistike* [Moscow linguistic miscellany. Issue 1. The argumentative in Linguistics]. Moscow, 1996. (in Russian).
3. Kubrjakova, E.S. On text and Criteria of its defining // *Tekst. Struktura i semantika: V 2 tt. T. 1.* [Text. Structure and Semantics. In 2 vol. Vol. 1]. Moscow, 2001. (in Russian).
4. Lukin, V.A. *Hudozhestvennyj tekst: Osnovy lingvisticheskoy teorii. Analiticheskij minimum. 2-e izd., pererab. i dop.* [Text of Fiction: Foundations of Linguistic theory. Analytic minimum. 2nd ed.]. Moscow, 2011. (in Russian).
5. Saussure, F. A course of general linguistics // Saussure F. *Trudy po jazykoznaniju* [Works on Linguistics]. Moscow: Progress, 1977. (in Russian).
6. Jakobson, R. Linguistics and Poetics // *Strukturalizm: «za» i «protiv»* [Structuralism «pro» and «contra»]. Moscow: Progress, 1975. (in Russian).
7. Jakobson, R. Foundations of Russian comparative literary studies // Jakobson, R. *Raboty po pojetike* [Works on Poetics]. Moscow, 1987. (in Russian).
8. Plungjan, V.A. Problems of grammatical meaning in contemporary morphological theories (review) // *Semiotika i informatika — Semiotics and informatics*. 1998. № 36. (in Russian).
9. Ivanov, V.V. Essays on pre-history and history of semiotics // *Izbrannye trudy po semiotike i istorii kul'tury. T. 1. Znakovye sistemy. Kino. Pojetika* [Selected works on semiotics and history of culture. Vol. 1 Sign systems. Cinema. Poetics]. Moscow, 1998. (in Russian).
10. Luchinskaja, E.N., Simonenko, M.Ju. Semiotic approach to text analysis // *Diskurs: konceptual'nye priznaki i osobennosti ih osmyslenija. Mezhvuzovskij sb. nauch. tr. Vyp. 1.* [Discourse: conceptual properties and their processing. Interuniversity collection of scientific papers. Issue 1]. Krasnodar, 2007. (in Russian).

11. Luchinskaya E.N. Postmodern Discourse: semiologic and linguocultural aspects of interpretation. Krasnodar: Kuban university publishing, 2002 (in Russian).
12. Morris, Ch.U. Foundations of the theory of signs // *Semiotika* [Semiotics]. Moscow, 1983. (in Russian).
13. Dibrova, K.Ju. On language relativity in linguistics. *Filologicheskie nauki — Philological sciences*. 1991. № 2ю (in Russian).
14. Zvegincev, V.A. *Mysli o lingvistike* [Contemplating on linguistics]. Moscow, 1996. (in Russian).
15. Stepanov, Ju.S. *V trehmernom prostranstve jazyka. Semioticheskie problemy lingvistiki, filosofii, iskusstva* [In a three-dimensional space of language. Semiotic issues of linguistics, philosophy and art]. Moscow: Nauka, 1985. (in Russian).
16. Uspenskij, B.A. *Semiotika iskusstva* [Semiotics of Art]. Moscow, 1995. (in Russian).
17. Ermolovich, D.I. *Osnovaniya perevodovedcheskoj onomastiki* (Avtoref. diss. dokt.) [Foundations of Translation Onomastics (Doct. Diss. thesis)]. Moscow, 2005. 48 p. (in Russian).
18. Razhina, V.A. *Onomasticheskie realii: lingvokul'turologicheskij i pragmaticeskij aspekty* (diss. kand.) [Onomastic realia: linguistic, cultural and pragmatic aspects (Cand. Diss.)]. Rostov-on-Don, 2006. 165 p. (in Russian).

Автор публикации

Макурова Сусанна Рашидовна — заведующая кафедрой английской филологии Адыгейского государственного университета (г. Майкоп), кандидат филологических наук, доцент

Author of the publication

Susanna R. Makerova — Cand. Philol. Sci., Associate Professor, Head of English Philology Department, Adygeya State Univesity (Maikop)